

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С О Ю З А   С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1(59)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1957

В. М. Массон

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И ИХ СВЯЗИ С ИРАНОМ И ИНДИЕЙ

Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана широко известны в специальной литературе со времени раскопок двух небольших курганов у селения Анау¹. Уже материал, полученный при раскопках этих курганов, позволяет судить о важной роли племен Южного Туркменистана в истории земледельческих общин, группировавшихся вокруг городских цивилизаций Месопотамии и Инда, а также о существенном влиянии, которое эти племена оказывали на развитие других областей Средней Азии в пору неолита и бронзового века. В настоящее время исследования советских археологов² значительно расширили наши представления о культуре и истории этих племен. Открыты десятки новых памятников, произведены значительные раскопки, среди которых прежде всего следует отметить широкие исследования Б. А. Куфтина, позволившие предложить новую классификацию археологического материала на основании выделения комплексов Намагза I, II, III, IV, V и VI, в целом соответствующих так называемым культурам Анау I, II и III³.

В настоящее время в Южном Туркменистане продолжается систематическое изучение памятников неолита и бронзового века. В настоящей статье затронуты некоторые общие вопросы истории и культуры древнеземледельческих племен Южного Туркменистана в связи с новыми данными, полученными в 1955—1956 гг. XIV отрядом ЮТАКЭ при изу-

¹ О первых раскопках А. В. Комарова см. «Туркестанские ведомости», 1888, № 24—25; R. P u m p e l l y, Explorations of Turkestan, I—II, Washington, 1908.

² Д. Д. Б у к и н и ч, Некоторые новые данные об Анау и Намазга-депе, «Туркменоведение», 1929, № 5; А. А. М а р у щ е н к о, Анау. Историческая справка. В кн. «Архитектурные памятники Туркмении», I, Москва — Ашхабад, 1939; М. Е. М а с с о н, ТЮТАКЭ, II (1953); Б. А. Л и т в и н с к и й, Намазга-депе, СЭ, 1952, № 4; С. А. Е р ш о в, Холм Яссы-депе 2, ИАН ТССР, 1952, № 6; В. М. М а с с о н, Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа, ИАН ТССР, 1954, № 2; о н ж е, Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба, ИАН ТССР, 1956, № 2; Б. Б. П и о т р о в с к и й, Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР, М., 1955; «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР», II (1956) (статья А. Ф. Гаялина и С. А. Ершова).

³ Б. А. К у ф т и н, Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау», ИАН ТССР, 1954, № 1; см. также публикацию этих материалов в ТЮТАКЭ, VII (1956). Свободную таблицу керамики на основании новых данных см. «Очерки истории СССР, Первобытно-общинный строй и древнейшие государства», М., 1956, стр. 139.

чений раннеанауских памятников¹. Работами 1955—1956 гг. начато осуществление многолетнего плана раскопок, и поэтому они были организованы следующим образом. На Кара-депе у Артыка начат стратиграфический раскоп, в котором предполагается вскрыть слои Намазга I, II и III. Широкое исследование планировки поселений разных периодов намечено проводить на памятниках, имеющих разновременные кроющие слои. Так, начаты значительные раскопки на том же Кара-депе у Артыка, где кроющий слой представлен комплексом Намазга III. Соответственно планировка жилищ позднего неолита изучается на поселении Джейтун, а жилища времени Намазга II — на поселении Геоксюр (Геоксюр I), к востоку от г. Теджена. Для изучения планировки времени Намазга I в 1957 г. предполагается начать раскопки на поселении Ялангач-депе (Геоксюр IV). В результате работ двух лет общая площадь раскопок составляла около 2300 м², а полученный богатый и разнообразный материал позволяет по-новому ставить, а иногда и решать целый ряд вопросов.

Одним из таких вопросов является вопрос о происхождении земледельческой культуры, вопрос об истоках древнейшего земледелия. Исследованиями последних лет (А. А. Марущенко, Б. А. Куфтин) в Южном Туркменистане открыты памятники, предшествующие по времени нижним слоям северного кургана Анау. По наиболее характерному памятнику культуру этого времени можно назвать джейтунской.

Само поселение Джейтун расположено в 30 км к северу от Ашхабада на вершине песчаного бугра. Произведенные здесь в 1955—1956 гг. раскопки обнаружили остатки глинобитных строений, образующие по крайней мере три стратиграфические слоя. Сырцового кирпича в это время еще не было, и его заменяли комки глины цилиндрической формы, из которых были сложены некоторые стены. Найдены различные кремневые орудия, в том числе вкладыши от серпов. Высоким качеством отличается лепленная от руки керамика, иногда украшенная примитивной росписью. В глиняных обломках полов встречены зерна ячменя и, возможно, пшеницы, а в культурных слоях довольно много костей домашних животных (козы и бараны).

Значительный интерес представляет орошение Джейтуна, отделенного меридионально вытянутой песчаной грядой от древней дельты одного из подгорных ручьев. К востоку от Джейтуна в этой гряде имеются два разработанных водой провала. По этим провалам, видимо, и прорывались на север воды ручья, подпертые песчаной грядой. К северу от гряды эти воды, следуя уклону местности, поворачивали вдоль гряды на запад и заливали ныне частично отакыренные участки к югу от Джейтуна. Следует считать, что использование этих разливов и легло в основу земледелия древнейших обитателей Джейтуна. Земледелие Джейтуна, надо полагать, представляет один из древнейших типов искусственного орошения.

Другим памятником джейтунской культуры является Чопан-депе, расположенное к востоку от Геок-депе и, судя по характеру керамики, несколько более позднее, чем Джейтун. В 1953 г. С. А. Ершовым здесь была произведена разведочная шурфовка, причем наиболее интересно то обстоятельство, что в верхних слоях встречаются уже кости крупного рогатого скота². При обследовании Чопан-депе в 1956 г. удалось расчистить остатки стены, сложенной, подобно строениям Джейтуна, из продолговатых глиняных комков. При расчистке этой стены были найдены два раздавленных хума с росписью, кремневые пластины, нуклеус, костяные проколки и костяной вкладышевый серп.

¹ Работы велись под руководством автора статьи при участии археологов В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопина и М. Джамалова.

² С. А. Ершов, Холм Чопан-депе, ТИИАЭ АН ТССР, II (1956), стр. 19.

Характер расписной керамики Джейтуна и Чопан-депе показывает, что она предшествует керамике нижних слоев Анау (Анау I А), с которой связана по гамме и, видимо, некоторыми видами орнамента (зигзаг Анау I А и волнистая линия Джейтуна). Весьма показательным, что в верхних слоях Чопан-депе появляются изображения треугольников¹, играющих такую большую роль в росписи посуды Анау I А и особенно Анау I Б. Правда, в имеющихся материалах, видимо, отсутствует еще одно звено, которое могло бы непосредственно связать керамику верхних слоев Чопан-депе и нижних слоев Анау. Кремневый материал Джейтуна находит ана-

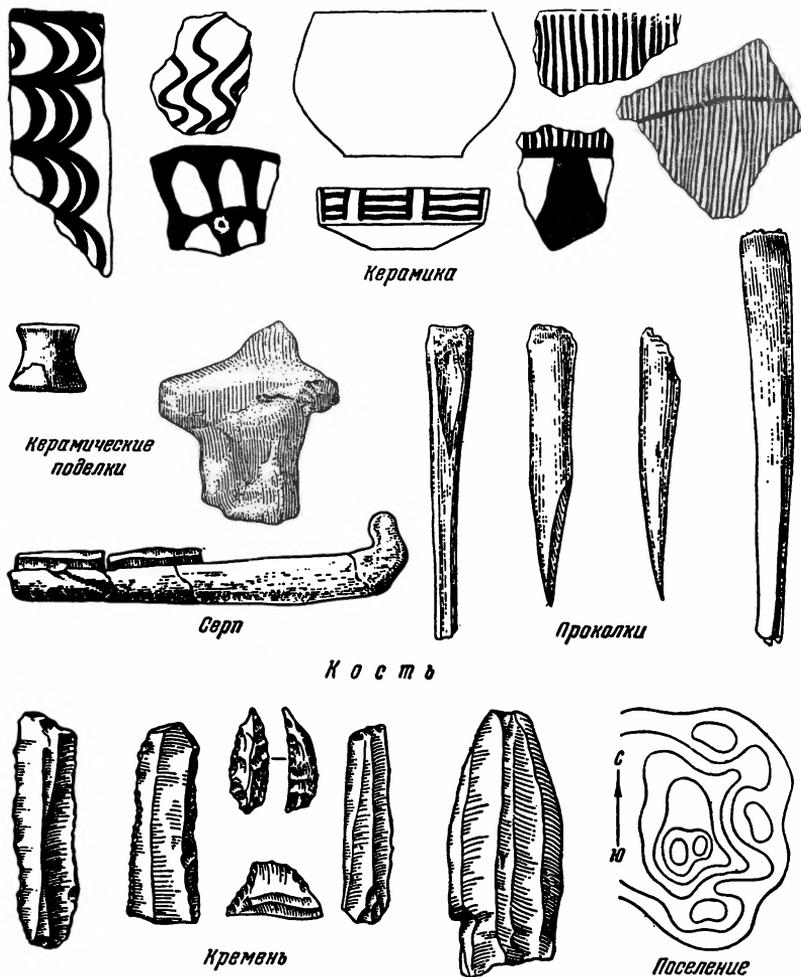

Рис. 1. Джейтунская культура

логии в нижних слоях Тепе-Сялк (Сялк I и II)² и, в известной мере, в материале поселения Джармо, недавно исследованного Брэдвудом в северном Ираке и датирующегося первой половиной V тысячелетия до н. э.³

¹ Ершов, ук. соч., стр. 18, рис. 5.

² R. Ghirshman, Fouilles de Sialk, I, P., 1938, табл. LV.

³ R. Braidwood, Near East and foundations for civilization, Oregon, 1952.

Рис. 2. Раскопки на поселении Геоксюр

В слоях Сиалк I имеются также костяные вкладышевые орудия, полностью идентичные серпу, найденному на Чопан-депе¹. Однако по облику расписной керамики Джейтун и Чопан-депе представляются более ранними памятниками, чем слои Сиалк I, синхронизирующиеся по широко распространенной росписи треугольниками со слоями Анау I A и B. Нижние слои Тепе-Сиалк относятся к позднему неолиту и в свое время были отнесены Р. Гиришманом ко второй половине V тысячелетия до н. э.² Эта датировка пока не подвергалась серьезному пересмотру³, хотя не исключено, что она может быть изменена на более позднюю. На основании подобных сопоставлений поздненеолитическую культуру Джейтуна, как нам кажется, можно ориентировочно датировать второй половиной V тысячелетия до н. э.

В какой мере эту наиболее раннюю на территории СССР земледельческую культуру можно считать автохтонной? К сожалению, ранне-неолитические памятники в подгорной полосе Копет-дага пока неизвестны, но зато довольно большой материал получен в районе Красноводского полуострова, где А. П. Окладниковым⁴, в частности, раскопана пещера Джебел. Однако следует иметь в виду, что в определенный период неолитическая культура Прикаспия сосуществовала с земледельческими поселениями предгорий Копет-дага и Эльбурса, как об этом свидетельствуют находки черепков типа Гисар II в Гарикамарбанде⁵ и Шах-тепе II в Джебеле. Неолит Прикаспия с примыкающим к нему неолитом Кель-

¹ G h i r s h m a n, ук. соч., стр. 17—18, табл. VII, VIII, 1—2; LIV, I—IV; LV, 22. Четыре из пяти орудий происходят из слоев Сиалк I, 1—2, т. е. из слоев самых древних.

² Там же, стр. 89.

³ В синхронистической таблице Чайлда (G. C h i l d e, New light on the Most Ancient East, L., 1952, стр. 232—233) Сиалк I отнесен к первой половине V тысячелетия до н. э.

⁴ А. П. О к л а д н и к о в, Пещера Джебел, ТЮТАКЭ, VII (1956).

⁵ C. S. C o o n, Cave explorations in Iran, 1949, Philadelphia, 1951.

теминара представляет собою культуры рыболовов и охотников-собираателей того времени, когда в более благоприятных природных условиях по долинам небольших речек и ручьев уже развивались поселения энеолитических земледельцев и скотоводов. Однако есть основания считать, что кремневый материал Джебела, особенно в его нижних слоях, может дать представление о кремневой индустрии раннеолитических племен, обитавших в прикопетдагской полосе. В таком случае значительное сходство, которое обнаруживается между кремневым инвентарем Джебела и Джейтуна, может свидетельствовать о каких-то местных корнях джейтунской культуры. Условия расположения и восстанавливаемый характер орошения древних полей Джейтунского поселения также свидетельствуют о самой начальной стадии развития земледелия, к которому перешли не-

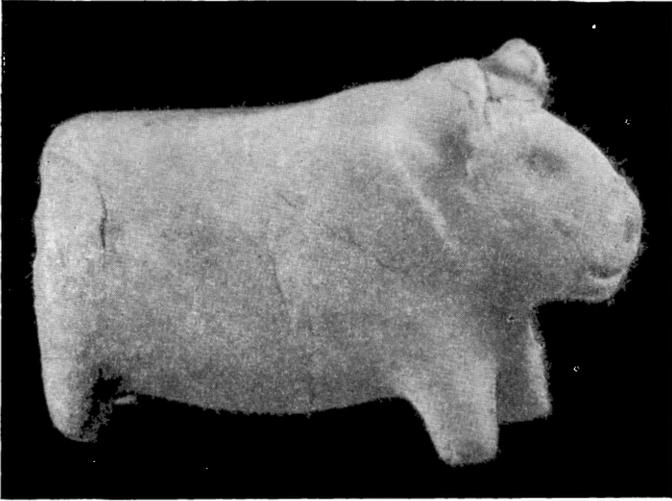

Рис. 4. Мраморная статуэтка быка из Кара-депе

давние охотники и собиратели. Если видеть в джейтунской культуре только результат миграции племен, уже знавших земледелие, то можно было бы ожидать более широкого освоения подгорной полосы.

Рассматриваемый вопрос находится в тесной связи с более общей проблемой происхождения земледельческих культур Ближнего Востока, иногда называемых «культурами расписной керамики». К сожалению, ранних памятников, могущих пролить свет на эту проблему, известно сравнительно мало. Лучше всего изучены северный Ирак и Сирия, хотя и здесь остается много неясных вопросов. Древнейшие земледельческие культуры этих районов, Хассуна и Халаф, датирующиеся серединой и второй половиной V тысячелетия до н. э., с их великолепной расписной керамикой, имеют мало общего с культурой Джейтуна. Общим сходством кремневого инвентаря и уровня хозяйственного развития ограничиваются аналогии и с уже упоминавшимся поселением Джармо. Показательно, что керамика, впервые появляющаяся в верхних слоях Джармо, хотя и никак не сопоставляется с посудой Джейтуна, но так же, как и она, плоскодонна. Видимо, глиняная посуда, появляющаяся в условиях оседлого быта земледельческих племен, была плоскодонной уже на самых ранних этапах своего возникновения.

К сожалению, на обширной территории Ирана, где расположен ряд памятников с великолепной расписной керамикой, пока не обнаружено

Рис. 3. Расписные сосуды Намазга III (вверху) и Намазга II (внизу)

земледельческих поселений, соответствующих по древности Джейтуну. Несколько фрагментов керамики, близкой к джейтунской, издано в сборе А. Стейна с Тали-Иблис в Кермане¹, но до проведения раскопок трудно судить о наличии здесь поздненеолитических слоев. По-видимому, наиболее ранним земледельческим поселением на территории Ирана является поздненеолитическое поселение, остатки которого открыты в слоях Сиалка I. Среди расписной керамики Сиалка I, в целом синхронизирующейся с Анау I, наибольший интерес представляет мотив в виде зигзагов², идентичный росписи Анау IA и, как нам кажется, восходящий к росписи Джейтуна.

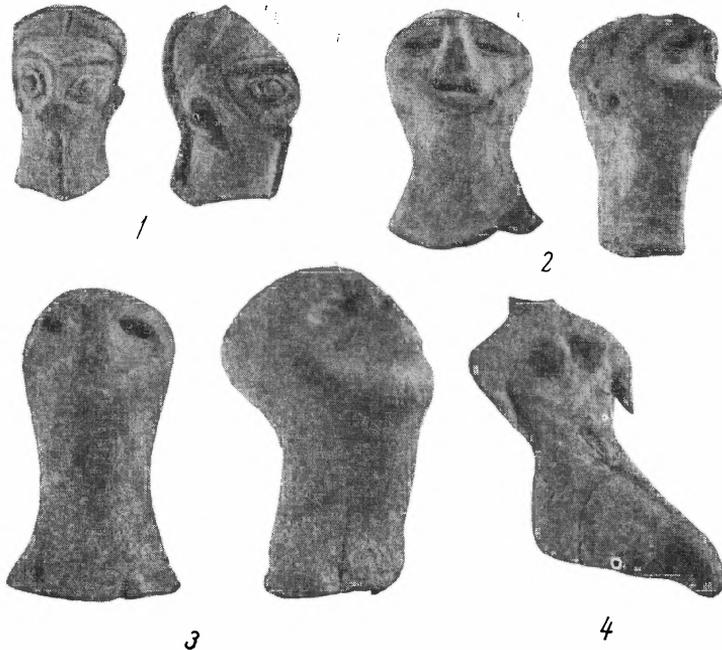

Рис. 5. Терракотовые статуэтки с Кара-депе (1, 2, 4) и Геоксюра (3)

Как отмечалось выше, близко напоминает Джейтун и кремневый материал нижних слоев Сиалка. Вполне возможно, что поздненеолитическая культура джейтунского типа была распространена, помимо Южного Туркменистана, в северном и центральном Иране, и на ее основе возникли более поздние культуры, представленные слоями Сиалк I в центральном Иране и комплексом Анау I — Намазга I в Южном Туркменистане.

Совершенно неясным остается происхождение земледельческих культур северо-западной Индии. Частично предшествующая Харappe культура Амри в Синде и южном Белуджистане и культура второго слоя Рана Гхундай в северном Белуджистане раскрывают высоко развитые культуры с прекрасной расписной керамикой, сделанной на гончарном кругу, и не лишено основания предположение ряда исследователей о сложении этих культур под воздействием западных влияний³.

¹ A. Stein, *Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran*, L., 1937, табл. XXIV, 178.

² Ghirshman, *ук. соч.*, I, табл. X, A 10.

³ D. H. Gordon, *The pottery industries on the Indo-Iranian border*, «Ancient India», № 10—11 (1954—1955), стр. 167.

Более ранние памятники, по существу, еще почти не изучены. Видимо, такими слоями являются нижние слои Рана Гхундай (Рана Гхундай I), где встречены кости домашних животных, но между ними и Рана Гхундай II, несомненно, существовал большой разрыв. Керамика Рана Гхундай I не расписная и сделана от руки. Гордон сопоставляет ее с керамикой ручной лепки из второго слоя поселения Кили около Кветты¹, где, правда, уже появляется примитивная роспись. Можно полагать, что освещению этого вопроса поможет также полное издание результатов недавних

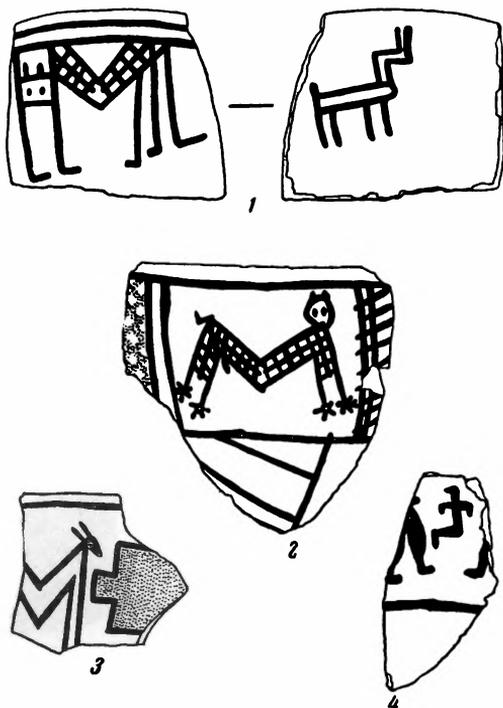

Рис. 6. Расписная керамика с Геоксюра (1—3) и Кара-депе (4)

раскопок поселения Мундигаг в Южном Афганистане², где в I и II слоях встречена грубая лепная керамика и остатки глинобитных домов. Сырцовый кирпич появляется в Мундигаге лишь в третьем слое. Надо полагать, что изучение этих памятников поможет раскрыть местные пути образования земледельческих племен³, но влияние на более поздние культуры западных племен и, видимо, принесение оттуда гончарного круга заставляет с особым вниманием относиться к изучению памятников древнейших земледельцев Ирана и Южного Туркменистана. Характер культуры племен Ближнего Востока, перешедших в V тысячелетии до н. э. к земледелию, заставляет склоняться к выводу о полицентризме этого процесса, и одной из возможных областей, где произошел этот переход, наряду

¹ Gordon, ук. соч., стр. 167; W. A. Fairervis, Preliminary report on the prehistoric archaeology of the Afghan-Baluchi areas, «American museum novitates», № 1587 (1952), стр. 17—18.

² I. M. S a s a l, Quatre campagnes de fouilles à Mundigak, 1951—1954, «Arts Asiatiques», I (1955), fasc. 3.

³ Местное происхождение земледельческих племен Белуджистана, постулируемое Чайлдом, вполне вероятно само по себе, но пока не может быть прослежено на конкретном материале.

с Египтом, Сирией и Северным Ираком, следует признать область Иранского плато с примыкающей сюда подгорной полосой Копет-дага.

Если Джейтун и Чопан-депе рисуют начальные этапы развития земледельческой культуры, то в IV тысячелетии до н. э.¹ мы видим картину широкого освоения земледельцами подгорной полосы от Кизыл-Арвата на западе до района г. Теджена на востоке. К этому времени относится распространение медных изделий. Эта энеолитическая культура, которую, возможно, следует называть анауской, включает комплексы Намазга I (= Анау I Б) и Намазга II (= Анау II).

Раскопки на Кара-депе показали, что крупное энеолитическое поселение площадью около 15 га сложилось здесь уже в пору Намазга I. В слоях этого времени, достигающих 7 м, обнаружена разнообразная рас-

Рис. 7. Сосуды типа Намазга III с Кара-депе

писная керамика с геометрическим орнаментом, пряслица, медные проколки и глиняные женские статуэтки. Насколько можно судить по имеющимся данным, не менее значительным, чем Кара-депе, было в пору энеолита и поселение Намазга-депе.

Целая группа энеолитических памятников расположена около железнодорожной станции Геоксюр (в 18 км к востоку от г. Теджена), являясь остатками небольшого оазиса древних земледельцев. Наиболее крупным поселением и, видимо, своеобразным центром этого оазиса был сам холм Геоксюр, или Геоксюр I, занимающий площадь около 10 га. При произведенных здесь раскопках были открыты остатки по меньшей мере трех многокомнатных жилых домов, построенных из сырцового кирпича. Все три жилых дома разделяются узкими улочками. В наиболее хорошо изученном доме раскопано 14 помещений, группирующихся возле двора, имевшего выход на улочку. Крупные прямоугольные комнаты, по всей видимости, являлись жилыми. В одной небольшой комнатке, возведенной в пределах двора, вероятно, помещалась кухня. На полу другого прямоугольного помещения встречены в большом количестве зерна пшеницы, и, надо полагать, что это помещение служило зернохранилищем. Видимо, производственное назначение, связанное с обжигом керамики, имело другое помещение, в котором в большом количестве были встречены обгорелые и оплакованные кирпичи, а также керамический шлак. Среди разнообразных находок, сделанных в раскопе, преобладает керамика, относящаяся к комплексу Намазга II. Для ее росписи характерны крестообразные фигуры, различные вариации подобных фигур и пиловидных линий, перемежающихся с сетчато заштрихованными фигурами (рис. 3), изобра-

¹ Рассмотрение проблемы датировки в свете новых данных см. ТЮТАКЭ, VII (1956).

жения козлов и фантастических животных (рис. 6, 1—3). Керамика Намазга II, найденная на Геоксюре, заметно отличается от одновременной керамики, происходящей с более западных памятников (Намазга-депе, Кара-депе, Анау), и образует особый вариант, вероятно, связанный с обитанием здесь в древности особой группы племен.

Часть нескольких многокомнатных домов вскрыта при раскопках верхнего слоя на Кара-депе. Эти дома относятся ко времени существования комплекса Намазга III, характеризуемого весьма своеобразной расписной керамикой. Роспись производилась темно-коричневой или черной краской на зеленовато-белом и, значительно реже, на красном фоне. Наряду с богатым геометрическим орнаментом встречаются рисунки козлов, птиц, коров и пятнистых животных, видимо, являющихся барсами или гепардами. Раскрытые на Кара-депе здания были так же, как и на Геоксюре, построены из сырцового кирпича. В крупных, очевидно, жилых комнатах находились углубленные в пол очаги. Наряду с крупными комнатами в домах имелось значительное число и более мелких, частично не имевших дверей и, видимо, игравших роль своеобразных хранилищ. В одном из таких помещений было найдено 13 целых расписных сосудов.

Имеющиеся материалы позволяют ставить вопрос об изучении общественного строя древнеземледельческих племен Южного Туркменистана. Обращает на себя внимание значительное развитие производительных сил в пору энеолита. Для земледелия осваивается большинство речек и ручьев подгорной полосы, причем крупные поселения располагаются уже по среднему течению ручьев, где выведение воды на поля требовало создания подпорных плотин и, возможно, проведения первых, еще небольших арыков. Уже в слоях Намазга II впервые встречаются колесики от моделей повозок, что свидетельствует об использовании тягловой силы животных, в дальнейшем начинающей применяться и в земледелии. Такое значительное усложнение производственной деятельности позволяет считать, что прав был Б. А. Куфтин, писавший о складывающихся патриархальных отношениях уже в период Намазга II¹. Видимо, многокомнатные дома, из которых состояли поселения Геоксюр и Кара-депе, являлись местом обитания больших патриархальных семей, составлявших в это время основную хозяйственную единицу общества.

Значительный интерес для изучения искусства и идеологии древнеземледельческих племен представляет большая и разнообразная коллекция терракотовых статуэток, полученная при раскопках Кара-депе и Геоксюра. Она представлена статуэтками мужчин, женщин и различных животных. Как показали раскопки Джейтуна, традиция изготовления статуэток, во всяком случае статуэток животных, восходит к позднему неолиту. Можно предполагать, что в это время уже были также и статуэтки женщин, но первые находки таких статуэток относятся уже к слоям Намазга I. Это довольно реалистично выполненные статуэтки стоящих женщин с резко выраженной стеатопигией, иногда напоминающие раннетрипольские статуэтки Луки-Врублевцевкой². Но особенно широко распространены женские статуэтки в слоях Намазга II и III. Например, на Геоксюре как при раскопках, так и при сборах подъемного материала, они встречаются буквально десятками. Женские статуэтки Намазга II и III, весьма близкие по характеру, представлены в основном двумя типами сидящих фигур. Статуэтки первого типа имеют прямые плечи, конические груди и опущенные вниз руки, изображенные только до локтя. Изящными

¹ Куфтин, Работы ЮТАКЭ..., стр. 28.

² С. Н. Бибиков, Поселение Лука-Врублевцевая, МИА СССР, 38 (1953), табл. 110 и др.

плавными линиями передается изгиб талии и бедер (рис. 5). Лицо образовывалось простым зашипом и в целом голова имела подтреугольную «птицевидную» форму. Второй тип представлен еще более упрощенными экземплярами, у которых голова, грудь и руки не изображались вовсе, хотя ноги и талия сделаны довольно тщательно. Особый интерес представляет первый тип статуэток в связи с находкой на Кара-депе уникального для анауских культур черепка с изображением двух людских фигур, обращенных лицами к находящейся между ними сидящей статуэтке, идентичной женским статуэткам первого типа (рис. 6, 4). Совершенно очевидно, что перед нами какая-то ритуальная сцена. Можно полагать, что все эти женские статуэтки связаны с культом богини-матери. Этот культ был широко распространен среди древнеземледельческих племен¹, и южнотуркменистанские общины выработали довольно своеобразный иконографический тип, резко отличный, например, от типа белуджистанской «богини-матери»².

Наряду с женскими найдены также и схематические статуэтки сидящих мужчин, встречающиеся сравнительно редко и только в слоях Намазга III, где их распространение, возможно, связано с полной победой патриархальных отношений.

Несомненно, к числу культовых предметов поры Намазга III принадлежит и найденная на Кара-депе мраморная статуэтка быка (рис. 4), животного, игравшего большую роль в религиозных представлениях древнего Востока. Изображения быков и коров характерны как для керамики Намазга III, так и для Сялка, Мусияна и белуджистанских культур (Кулли, Наль-Нундара). В Месопотамии известен ряд каменных статуэток быков, относящихся к периоду Джемдет-Наср³, т. е. приблизительно к тому же времени, что и кара-депинское изображение.

Рассмотренные выше мужские и женские статуэтки отличаются значительным схематизмом, особенно в передаче головы. Однако, как показали находки 1956 г., наряду с ними существовали также статуэтки с более реалистическим изображением лица. К сожалению, эти статуэтки пока не представлены целыми экземплярами. Их можно разделить на два типа.

Первый тип хорошо представлен терракотовой головкой с Кара-депе (комплекс Намазга III) (рис. 5, 2). Голова посажена на длинную шею и слегка запрокинута. Лицо широкое, круглое, глаза переданы удлиненными прорезями, смыкающиеся на переносице брови подчеркнуты темно-коричневой краской. Нос, конец которого отломан, имеет характерную горбинку, лоб невысокий. На голове темно-коричневой краской изображена шапочка или волосы, стриженные «в кружок». Головка выполнена твердой и умелой рукой, и в ее исполнении чувствуется большая и стойкая традиция. Это подтверждается находками головок, восходящих к этому же типу, на поселении Геоксюр, где они относятся к комплексу Намазга II. Одна головка имеет сильно поврежденное лицо, но высокая шея и постановка чуть запрокинутой назад головы указывает на ее принадлежность к этому типу (рис. 5, 3). Шея второй головки не сохранилась, лицо ее передано весьма условно, но имеет характерные сомкнутые брови и удлиненные глаза. Эта головка интересна в том отношении, что может считаться как бы подражанием более реалистическим образцам и тем самым свидетельствует об относительно широком распространении изображений подобного типа. Наиболее близкие аналогии этим головкам находят

¹ С. Н. Бибиков, Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы, СА, XV (1951).

² S. Piggott, Prehistoric India to 1000 B. C., L., 1952, стр. 126—127; W. A. Fairsergis, ук. соч., стр. 14, рис. 3.

³ G. Contenau, Manuel d'archéologie orientale, IV, P., 1947, стр. 1991—1993.

в скульптуре южной Месопотамии III тысячелетия до н. э., относимой к шумерам¹. Действительно, круглая голова, овал лица и характерный нос сближают головку с Кара-депе с изображениями древних обитателей Шумера. Было бы преждевременно, до получения нового материала, на основании таких сопоставлений делать какие-либо исторические выводы, но следует подчеркнуть, что в Южной Туркмении подобные изображения, судя по находке их в комплексе Намазга II, восходят, по крайней мере, ко второй половине IV тысячелетия до н. э. В этой связи нельзя не вспомнить находки в XIX в. на Тюренг-тепе около Астрабада так называемого астрабадского клада, состоявшего из золотых, бронзовых и каменных предметов². В составе клада имеется золотой кубок с изображениями людей, горбоносый профиль лица которых и характерные одежды позволили М. И. Ростовцеву с полным основанием сопоставлять их с памятниками Шумера³. В настоящее время после раскопок, произведенных на Тепе-Гисар, ясно, что большинство предметов астрабадского клада принадлежит к числу изделий местной культуры и относится ко времени около 2000 г. до н. э.⁴ Трудно судить, относится ли золотой кубок к более раннему времени, чем остальные предметы клада, или свидетельствует о сохранении «шумерского» типа до начала II тысячелетия до н. э., но во всяком случае находка статуэток на Геоксюре и Кара-депе является одним из аргументов в пользу местного происхождения золотого кубка.

Второй тип отличается значительным схематизмом, к нему принадлежит прекрасно сделанная головка с Кара-депе (комплекс Намазга III) (рис. 5, I). Лицо удлинненное, крупные миндалевидные глаза. Верхняя губа и часть подбородка выбриты, и на шею спускаются лишь две небольшие пряди узкой бородачки. На голове, видимо, надет шлем с наушниками и назатыльником, с гребня которого спускается плетеная коса. Уши слегка оттопырены. Характер выполнения так же, как и для головок первого типа, указывает на существование определенного канона, которому следовала умелая рука мастера. Эта кара-депинская находка также не является одинокой. В сборах подъемного материала, хранящихся в Историческом музее АН Туркменской ССР, имеется верхняя часть другой головки с Геоксюра, совершенно идентичной кара-депинскому экземпляру. Отличается лишь прическа: головка с Геоксюра имеет пышные волосы, уложенные буклями и, судя по этому признаку, принадлежит женщине.

Новые находки должны помочь разъяснению вопроса, следует ли связывать наличие двух типов статуэток с двумя разными этническими типами или мы имеем дело с различными художественными канонами. Во всяком случае этническое развитие древнеземледельческих племен Южного Туркменистана проходило очень сложными путями, и было бы крайним упрощением этого процесса неверное, на наш взгляд, утверждение о большой роли племен Анау в этногенезе таджиков⁵. Если и настало время пытаться проследить линию этногенеза народов Средней Азии до бронзового века, то этногенез таджикского народа было бы более обосно-

¹ См. например, G. Contenau, *Manuel d'archéologie orientale*, I, P., 1927, рис. 48, 49; II, 1931, рис. 366; IV, 1947, рис. 1004—1005.

² C. A. de Bode, *On a recently opened tumulus in the neighbourhood of Astrabad*, «*Archaeologia*», XXX (1944), табл. XVI.

³ M. Rostovtzeff, *The Sumerian treasure of Astrabad*, JEA, VI (1920), стр. 4—27.

⁴ В этом отношении вполне прав E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, L.—N. Y., 1941, стр. 108, называя клад местным, что, однако, еще не снимает шумерских аналогий, приводившихся М. И. Ростовцевым.

⁵ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства», М., 1956, стр. 130.

ванно связывать с земледельческими племенами Ферганы (Чуст) и скотоводческо-земледельческими племенами, возможно, родственными андроновцам, памятники которых недавно обнаружены в Фергане (Кайрак-Кумы, Вуадиль) и в низовьях Зеравшана (Заман-баба).

Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана находились в тесных связях с соседними племенами, занимавшими территорию современного Ирана, Белуджистана и Южного Афганистана. Эти племена как бы образовывали пояс земледельческих общин вокруг городских цивилизаций Месопотамии и Инда. Для их материальной культуры характерна богатая расписная керамика, исследование которой в настоящее время играет важную роль в установлении соотношений и взаимосвязей этих племен. Эти племена, возможно, родственные между собой, распадалась на отдельные группы, из которых уже сейчас можно отметить центрально-иранскую, известную по раскопкам Тепе-Сялалк и Тепе-Гисар, и южно-иранскую, характеризующуюся культурой Суз, Тали-Бакуна и целого ряда поселений вдоль берега Персидского залива, исследованных А. Стейном¹. В Белуджистане С. Пиготтом было намечено деление на северные и южные культуры², но в настоящее время это деление все более подвергается критике³, хотя в основном сохраняет свое значение, если отбросить принятую С. Пиготтом вслед за Д. Мак Кауном неудачную терминологию культур красной керамики (Red-ware) и кремевой керамики (Buff-ware).

Среди этих культур памятники южнотуркменистанских племен представляют особую самостоятельную группу, ярко характеризующуюся своеобразием расписной керамики. В этом отношении был прав Э. Херцфельд, почувствовавший своеобразие особого культурного центра уже на ограниченных материалах Анау, хотя он и искал ошибочно этот центр в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (ук. соч., стр. 96), и совершенно неоправданной является точка зрения Д. Мак Кауна о периферийности культур Анау (ук. соч., стр. 17).

Как уже отмечалось выше, определенная связь наблюдается в керамике Сялалка I и Анау I — Намазга I, что, как нам кажется, может быть связано с общим происхождением этих культур от позднеэолитической культуры типа Джейтуна. Несколько более обособленно выглядит полихромная керамика комплекса Намазга II. В центральноиранских памятниках отсутствует посуда с полихромной росписью. Предположения ряда исследователей о возможных связях анауской и белуджистанской полихромии пока не могут быть подтверждены конкретным материалом. Отдельные элементы росписи посуды Намазга II, вроде соединенных вершинами треугольников могут найти аналогии как в Иране, так и в Индии⁴, но в целом ее облик весьма своеобразен.

Количество аналогий значительно увеличивается для конца IV и III тысячелетий до н. э., характеризующихся в Южном Туркменистане комплексами Намазга III (для первой половины) и Намазга IV (для второй половины периода). Геометрический орнамент посуды Намазга III по сравнению с керамикой центрального Ирана опять отличается значительным своеобразием. Ряд аналогий имеется, однако, в памятниках северного Белуджистана, расположенных около Кветты и первоначально объединенных С. Пигот-

¹ См. обстоятельное исследование D. M a c C o w n, *The comparative stratigraphy of Early Iran*, Chicago, 1942.

² S. P i g g o t t, *The chronology of prehistoric North-West India*, «Ancient India», I (1946), и в более развернутой форме в его книге, цитированной выше.

³ F a i r s e r v i s, ук. соч., стр. 3; F. A. K h a n, *Fresh sidelights on the Indus valley and the bronze age of Orient*, «Univ. of London. Inst. of archaeology. II ann. report», 1955, стр. 52.

⁴ K h a n, ук. соч., стр. 54—55.

том в культуру Кветты¹. Эти аналогии свидетельствуют о том, что при рассмотрении западных связей белуджистанских культур помимо южного направления, обычно подчеркиваемого исследователями², следует учитывать также и северо-восточные пути, которые позволяют предполагать наличие в районе Кучана—Мешеда еще неисследованных памятников расписной керамики. Но особенно ярко выступают связи между племенами Южного Туркменистана и Ирана при рассмотрении изображений животных на керамике. Рисунки птиц, козлов и пятнистых животных (барсов) на посуде Намазга III являются как бы прямыми репликами аналогичных рисунков на керамике Тепе-Гисара (слой I С, II А) и Тепе-Сиалка (III, 4—7). В слоях Гиан V, синхронизирующихся с Сиалком III, имеются изображения птиц в сочетании с солярными кругами³, т. е. в сочетании, обычно встречаемом и на Кара-депе. Весьма показательным является и изображение коровы в сочетании с птицами, известное в Кара-депе, Сиалке III, 7 и в керамике Мусияна и Суз⁴. Последний мотив представляет особый интерес, так как принадлежит к типу рисунка, известного под названием «животные и ландшафт», широко распространенному в белуджистанской культуре Кулли⁵. При этом белуджистанские коровы имеют характерное туловище, чрезмерно вытянутое в длину. В этой связи интересно, что в 1956 г. на Кара-депе в слое Намазга III также была найдена чаша, по краю которой идет фриз, изображающий коров с удлинненным туловищем. Наряду с более художественными изображениями животных в росписи Кулли есть также схематические рисунки стоящих друг за другом козлов, образующих горизонтальную орнаментальную полосу⁶. Аналогичные полосы из фигурок козлов известны теперь и на керамике Намазга III. Наконец, надо отметить фрагмент статуэтки пятнистого животного, возможно, барса, также найденной на Кара-депе и близко напоминающей фигурки пятнистых животных Тали-Бакуна⁷.

При сравнительном рассмотрении керамики Южного Туркменистана и центрального Ирана обращает на себя внимание следующий момент. Если изображения пятнистых животных на керамике Тепе-Гисара и особенно Тепе-Сиалка выполнены довольно реалистично и в них можно узнать барсов или гепардов, то в Южном Туркменистане эти изображения схематизируются, и в большинстве случаев порода животных почти не поддается определению. Известная схематизация изображений может быть отмечена и для козлов. Эти факты не могут являться случайными. Несомненно, речь должна идти или о резком усилении культурного влияния, или о приходе в Южную Туркмению новых племен из центрального Ирана, принесших сюда отмеченные выше мотивы расписной керамики. Однако довольно заметно выступают также различия между южнотуркменистанскими и центральноиранскими памятниками. В Южном Туркменистане отсутствуют характерные формы посуды Сиалка и Гисара (например, вазы на высоких ножках). Ведущая форма расписной посуды южнотуркменистанских племен в пору Намазга III — глубокая чаша — существует

¹ S. Piggott, A new prehistoric ceramic from Baluchistan, «Ancient India», 3 (1947). Новый материал см. Fairervis, ук. соч., рис. 2, f; рис. 4, g.

² Например D. H. Gordon, ук. соч., стр. 168.

³ G. Contenaue et R. Ghirshman, Fouilles de Tepe Giyan, P., 1935, табл. 49.

⁴ Ghirshman, Fouilles de Sialk, I, стр. 51—52, рис. 7; Herzfeld, ук. соч., стр. 87—88; E. Pottier, Céramique peinte de Suse et petits monuments, «Délégation en Perse. Mémoires», XIII, 1912, стр. 48; рис. 168; табл. XXX, 7; И. Н. Хлопин, Изображение коровы на сосуде из Кара-депе, КСИИМК, 69 (1957).

⁵ Piggott, Prehistoric India, стр. 100.

⁶ Там же, стр. 101, рис. 6.

⁷ A. Langsdorff, D. Mac Cowan, Talli-Bakun. A Season of 1932, Chicago, 1942, стр. 62; табл. 5, 9 и 10.

здесь с самого начала энеолита (рис. 7). Если керамика упомянутых слоев Сиалка и Гисара изготовлялась на гончарном круге, то вся известная посуда Намазга III леплена от руки. Подобные факты заставляют прийти к выводу, что если в конце IV тысячелетия до н. э. в Южный Туркменистан и проникали какие-либо племена из центрального, а может быть и из Южного Ирана, то они в культурном отношении были быстро ассимилированы местным населением.

Значительно труднее пока истолковать характер связей с племенами, обитавшими на северо-западе Индии. Однако прямые параллели в геометрической орнаментации керамики Кветты и Намазга III заставляют предполагать наличие именно прямых связей, а не опосредствованных через южноиранскую группу памятников. Возможно, исследования, проводящиеся на поселении Мундигак в Южном Афганистане, позволят в ближайшем будущем остановиться на этом вопросе более конкретно и обоснованно.

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА**

ВЫПУСК - 30

Под редакцией доктора исторических наук Т.Ш. Ширинова.

Самарканд - 1999

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА (этапы и пути самоидентификации)

В.М.Массон

Географическая ситуация низовьев Амударьи в трех соотношениях могла сказываться на развитии культуры. Определенная обособленность от других центров земледельческой культуры безусловно стимулировала поиски самостоятельных ценностей. Во-вторых, эта определенная изолированность не была абсолютной. Водная артерия Амударьи обеспечивала не только водный маршрут торговых связей, но и обеспечивала постоянным водным источником кариаваны, продвигающиеся по пустынной местности вдоль ее берегов. В-третьих, сами низовья Амударьи и ее древних дельт создавали благоприятную среду для развития земледелия, начиная с самых архаических этапов.

Последний фактор проявился самым положительным образом уже в бронзовом веке в пору существования тазабагыбской культуры, принадлежащей к типу пастушеско-земледельческих культур степной зоны. Ее формирование, как было отмечено еще С.П.Толстовым связано с продвижением на юг племен степной бронзы, как теперь можно с уверенностью говорить с традициями срубно-алакульского типа (Итина, 1986). Судя по всему это было лишь одно из проявлений длительного и постепенного продвижения племен индо-иранской языковой группы в Среднюю Азию и далее в Индостан. Предшественное население, представленное охотниками и рыбоводами кельтиминарской культуры, принадлежавшими скорее всего к угро-финской языковой группе, было вытеснено и лишь в малой степени ассимилировано. Во всяком случае в материальной культуре Тазабагыба такие проявления кельтиминарских традиций не проявляются.

Это время, приходящееся в основном на вторую половину II тыс. до н.э. весьма важно в двух отношениях. Во-первых, тазабагыбское население образовывало как бы южный форпост обширного мира степных племен, сохраняя в своей материальной культуре основные соответствующие традиции от лепной керамики с несложными резными орнаментами до жилищ полуподземлячного типа. В то же время тазабагыбцы

единственные из племен этого культурного ареала перешли к поливному земледелию. Проведенные ими каналы стали подлинным началом большой ирригации Хорезма. Во-вторых, область их обитания стала важным и видимо, престижным центром, откуда происходило дальнейшее расселение племенных групп на юг в дельту Мургаба, древнюю Маргиану, и на юго-восток в низовья Зарафшана, области, входившие в состав другой древней страны - Согда.

Эта область, расположенная в низовьях Амударьи имела важное значение для восточно-иранского мира и, видимо, уже тогда получила наименование Хорезма нашло отражение в Авестийской традиции. В гимне богу Митре, известном как Михр-Яшт, описывается как Митра взирает на "весь арийский простор", расположившись в горах, откуда судоходные реки стремят свое течение к Маргиане, Согду, Арее (область Герата) и к Хорезму. В списке же стран, созданных Ахурамаздой, приведенном в Видевдате, Хорезм странным образом отсутствует, зато там на первом месте находится область Арьянем Вайджа ("арийский простор") бывшая первой из благословенных стран, созданных Ахурамаздой, где его известный враг дух зла Ариман создал зиму длящуюся десять месяцев. Уже Бленвенист не без оснований заключил, что здесь под Арьянем Вайджа имеется в виду именно Хорезм. Как уже говорилось как раз Хорезм был первой областью достаточно широко освоенной степными племенами. Продолжительность зимы в десять месяцев могла служить как бы синонимом особо холодной погоды для обитателей остальных областей названных в этом списке и находящихся много южнее. Таким образом, тазабагыбская культура, основанная на развитии ирригационного земледелия, стала исходной точкой отсчета развития древнехорезмийской цивилизации.

В первой трети I тыс. до н.э. в правобережном Хорезме развивалась культура Амирабад, продолжая тазабагыбские традиции в сфере материальной культуры и поливного земледелия. В левобережном Хорезме существовала культура Кююсай убедительно выделенная Б.И.Вайнбергом (Вайнберг, 1979).

Ее облик, с преобладанием лепной керамики и жидкой земляночного типа также достаточно архаичен. Она интересна в двух отношениях. Во-первых, погребальный обряд с вынутыми косточками и курганными насыпями свидетельствует о связях с традициями сакского мира в его широком понимании. Видимо, инфильтрация племен с севера продолжалась, что могло найти отражение в приводимых Ктесием рассказах о мидийско-сакской войне из-за обладания областями Парфии. Во-вторых, в Куюсае бесспорны свидетельства южных связей с Маргианой и прикаспийскими областями, где находилась другая страна хорошо известная авестийской традиции - Гиркания. Именно из этих двух центров куюсайцы импортировали превосходную гончарную посуду ремесленного изготовления.

Эти южные связи определили пути формирования хорезмийской цивилизации. Как и другие цивилизации древней Средней Азии, Согд и Бактрия, Хорезм был урбанистической цивилизацией. С точки зрения культурогенеза под урбанизацией следует понимать именно культурный процесс ведущий к формированию городского образа жизни, что прежде всего отражается в новых материальных стереотипах, в менталитете и в интеллектуальных и идеологических ориентирах.

Процесс начальной урбанизации древнего Хорезма протекал в непростой политической ситуации. Как и все основные оседлые области Средней Азии он был включен в состав государства Ахеменидов, где образовывала отдельную сатрапию, судя по официальным перечням подвластных стран в списках времен Дария I и Ксеркса. Этому казалось бы противоречит сообщение Геродота о вхождении Хорезма вместе с Согдом, Парфией и Ареей в XVI податный округ ахеменидской державы (Нер. III, 93). Судя по всему правы те исследователи, которые считают, что это свидетельствует об изменениях происходивших в административном делении державы Ахеменидов. Надписи Дария I и Ксеркса отражают ситуацию, когда Хорезм, названный в надписях термином страна - *dahu* был отдельной сатрапией, тогда как список Геродота восходит к официальному документу времени Артаксеркса I (465-424). Одна из копий этого документа хранилась в Милете и была использована в греческих источниках, которыми пользовался Геродот. Вскоре Хорезм вообще отпал от Ахеменидов и в битве при Гавгамелах в 331 г. до н.э. в армии Дария III уже отсутствовал воинский контингент хорезмийцев. Это подтверждается и источниками, характеризующими поход

Александра Македонского. В 329/328 г. до н.э. во время зимовки Александра в Бактрии к нему прибыл, как сообщает Арриан "Фарасман, царь Хоразмие; с конницей в полторы тысячи человек" (An. Anab., IV, 15, 4).

Время VI-IV вв. до н.э. было эпохой формирования цивилизации древнего Хорезма как одного из важных центров среднеазиатского региона. Исходным пластом для этого стала земледельческо-скотоводческая культура наследников Тазабаяга, представленная комплексами типа Амирабада и, видимо, в определенной мере Куюсае. В Хорезме создаются крупные ирригационные системы сменяющие каналы и арки предшествующей эпохи (Андрянов, 1969), культура приобретает отчетливые урбанистические черты. Появляются крупные центры типа Кюзели-гыра и Калалы-Гыра. Орошаемые ирригационными системами оазисы плотно застраиваются небольшими городками и усадьбами, одна из которых Дингильдже, полностью распалась (Воробьева, 1973). Строительные и керамические эталоны явственно следуют стандартам выработанным в более южных оседлых областях прежде всего в Парфии и Маргиане. В ранний период существования крепостных стен Кюзели-гыра для строительства использовался сырьевой кирпич размером 52x26x10 см следующий стандарту уже многие столетия использовавшемуся южными соседями. Позднее в употребление вошел квадратный кирпич размером 40x40x10 см, также повторяя процесс смены формата основного строительного материала, происходящий совместно в оседлых оазисах Средней Азии. Гончарная керамика Хорезма стандартных, т.н. баночных форм является локальным проявлением той огромной керамической провинции, в которую входили также цивилизации Бактрии, Согда, Парфии и Маргианы. Следование уже выработанным стандартам культуры вполне обычное явление для эпохи урбанизации, когда в пределах взаимодействующих общностей имеются устойчивые и видимо, модные стандарты и эталоны. Уже в поселениях Куюсае относящихся ко времени накануне древнехорезмийской урбанизации, весьма многочисленна южная ремесленная глиняная посуда, в том числе и баночных форм. Этот переход на новую качественную ступень культурного развития скорее всего был совершен потомками носителей местных комплексов типа Амирабада и Куюсае скорее всего также при целенаправленной поддержке ахеменидских властей. Как общесреднеазиатская черта показательно большое значение, которое при устройстве крупных

центрах придавалось функции убежища. В пределах крепостных обводов Кюзели-гъра и Калалы-Гыр оставались обширные незастроенные участки. Такую же картину можно наблюдать для мидийского и ахеменидского времени в Бактрии (Кызыл-тепе) и Согде (Куктепа, ранний Афрасиаб). Видимо, в условиях определенной военно-политической нестабильности эти крупные центры должны были обеспечить укрытие окрестному населению вместе со стадами.

Таким образом, в середине I тыс. до н.э. произошло формирование древнехорезмийской цивилизации как одного из феноменов древней истории Средней Азии. Для общей системы весьма существенна типология культурных комплексов древней эпохи. Можно говорить о некоем эпохальном типе, к которому относились древние цивилизации, часто не связанные друг с другом, но имеющие ряд общих стадийных признаков в том числе спланированные города, возведенные под регулирующим воздействием центральной власти и развитое денежное обращение, опирающееся на монетную систему. Второй тип - региональный, объединяющий цивилизацию и географически близкие и обладающие некими общими историческими судьбами и находящиеся в тесном взаимодействии. Наконец, третьим типом будет конкретная локальная культура или цивилизация обладающая полным набором признаков как эпохального, так и регионального характера и, вместе с тем, отчетливыми чертами неповторимого местного своеобразия (Массон, 1994, с. 35). К числу таких локальных формопроявлений и относится цивилизация древнего Хорезма. При этом весьма показательно, что сформировавшись с широким использованием уже выработанных в других центрах стандартов и эталонов хорезмийская цивилизация все явственнее проявляет черты своеобразия и особого пути развития. Можно сказать, что происходит своего рода самоидентификация хорезмийской культуры и видимо, хорезмийского народа.

В яркой форме это проявилось уже в следующий период истории древнего Хорезма, который исследователи хорезмийских древностей называют кангойским. Это название было предложено в начале разработок по хорезмийской археологии С.П.Толстовым, который исходил из отождествления Хорезма с Кангюем (Толстов, 1948). Хотя эта позиция сейчас мало кем разделяется, сам термин в археологической номенклатуре остается. Предполагалось, что кангойский период следует датировать IV-I вв. до н.э., но убедительных свидетельств в пользу исходной датировки нет.

Возможно, в IV в. до н.э. продолжался процесс трансформации комплекса баночной керамики с появлением чисто "кангойских" элементов как это можно наблюдать на материалах Дингильдже.

Хорезмийская культура III-I вв. до н.э. отражает кардинальные изменения, происшедшие во всех основных средиземноморских цивилизациях. Налицо постепенный отход от баночных форм сосудов и их замена иными типами. После многовекового перерыва возобновляется изготовление мелкой терракотовой скульптуры. В этом можно видеть и воздействие эллинистической среды с традицией мелкой скульптуры и определенные изменения в культово-обрядовой практике. Специфика культуры Хорезма этого времени определяется двумя особенностями: незначительностью эллинистических воздействий и целевым следованием определенным восточным традициям. В Хорезме, во всяком случае в массовом инвентаре, отсутствуют плоские тарелки подражающие т.н. рыбным блюдам и столь многочисленные в Бактрии и, в определенной мере, в Согде. Малочисленны в Хорезме бокалы и почти нет двуручных кувшинов, которые в Бактрии, видимо, функционально и по использованию именно двух ручек, скорее всего, следуют типу популярных в эллинистическом мире амфор. Уникальным и единичным для Хорезма остается здание на крепостной стене Каладжик - где в значительном числе использовались такие чисто греческие компоненты как черепица и антефаксы.

По крайней мере три группы изделий в керамическом комплексе выявляют чисто хорезмийскую специфику и своеобразие. Прежде всего это одноручные кувшины, на краю ручки которых отснута голова льва как бы вцепившегося зубами в край сосуда (Воробьева, 1958). Сосуды эти тщательно выделаны, покрыты красным ангобом и распространены достаточно широко. М.Г.Воробьева справедливо указала, что их прототипом следует считать золотой кувшин с аналогичной ручкой из амударьинскогоклада (Dalton, 1905, табл. I, 17). Возможно, красный цвет должен был подчеркнуть следование парадным золотым образцам. Второй формой, также следующей и древним восточным образцам, являются глиняные ритоны рогообразной формы, увенчанные протомой животных. Главным образом, это кони, но есть также фигура крылатого грифона (Воробьева, 1959, с. 109-110; Кой-Крылан-кала, 1967, с. 111-112). Эти сосуда также отличаются тщательностью выделки и их образцы найдены на целом ряде памятников. Эта традиционная восточная форма широко

представлена в торовитке ахеменидского времени (Смирнов, 1909, табл. IV, I; табл. V, 17).

В керамическом производстве Хорезма III-I вв. до н.э. имеются и другие, достаточно устойчивые оригинальные типы изделий. Это фляги с художественными рельефами и являющиеся к числу парадных или даже культовых изделий (Кой-Крылган-кала, 1967, с. 201-206). Сами рельефы достаточно разнообразны. На Кой-Крылган-кале, в частности, отмечены четыре образца с фигурой всадника. На другом памятнике найден фрагмент уникального рельефа, изображающего катафрактария в панцире едущего на коне, облаченного в тяжелые металлические доспехи (Мамбетуллаев, 1977). Судя по сопровождению царя Фарасмана именно конница играла особую роль в его вооруженных силах. Возможно, что фляги с рельефами, также как ритоны и львиноручные кувшины, следуют металлическим прототипам, но таковые пока не обнаружены. Во всяком случае показательно, что это именно оригинальный компонент хорезмийского керамического комплекса, не имеющий аналогий за пределами Хорезма. То же можно сказать и о хорезмийских керамических оссуариях, увенчанных фигурами людей и животных и поэтому именуемых статуарными (Рипорт, 1971). Другая оригинальная черта ранней хорезмийской цивилизации проявилась в архитектуре. Мы имеем в виду круглые в плане культовые комплексы - Кой-Крылган-калу в правобережном Хорезме и круглый храм в крепости - Калалы-гыр 2 в Хорезме левобережном. Культовая атрибуция этих монументальных зданий едва ли может вызвать сомнения, хотя конкретная атрибуция самих культов и верований не вполне ясна. Здесь весьма примечательна да и поразительна сама идея планировки, построенной на концепции концентрических окружностей. Их в Кой-Крылган-кале целых два - внутренний, самого храма и внешней, охватывающий подсобные жилые и хозяйственные строения. Обоим обводам приданы фортификационные черты в виде бойниц и башен. Таких круглых культовых комплексов в это время не известно в других областях Средней Азии. Так называемый круглый храм Старой Нисы является не отдельным строением, а вписанным в систему прямых обводных коридоров, дающих в плане правильный квадрат. Видимо, здесь речь может идти о глубинных традициях, восходящих еще к поре *индо-иранской общности*, к периоду бронзового века. Таков прежде всего круглый храм Дашлы-3 в северном Афганистане также имеющий два обвода, которым приданы фортификационные черты (Сарианиди, 1977,

с. 28, рис. 11). Сама планировка этого культового комплекса Южной Бактрии и недвусмысленно перекликается с двуховальной планировкой при помощи стен с элементами фортификации в приуралских поселениях типа Аркаим (Зданович) скорее всего, принадлежавших индо-иранским племенам еще обитавшим в степных просторах. Хотя у нас пока нет полной цепочки генетической преемственности этого вида культовой архитектуры само обращение к древним азиатским, а не эллинским традициям весьма показательно. Наконец, весьма важно, что по крайней мере во II-I вв. до н.э. наблюдается широкое распространение письменности на арамейской основе, видимо, уже приспособляемой к специфике хорезмийского языка и указывающей также на административную систему хозяйственного учета, практикуемую в государстве наследников независимого Фарасмана. Так на городище Большая Айбугир-кала найден хум, на котором была воспроизведена надпись, указывающая на объем содержащихся в нем продуктов. Хозяйственные документы на черепках, т.н. остраконы обнаружены в храмовом комплексе Калалы-гыр 2 и на сравнительно небольшом поселении Хамбуз-тепе (Лившиц, Мамбетуллаев, 1986). Сам хум с городища Большая Айбугир-кала, как и его археологический контекст указывают на кангойский, если даже не позднекангойский комплекс и поэтому датировка надписи рансе II в. до н.э. мало вероятна. О широком распространении в это время письменности и соответственно грамотности свидетельствует такая интересная находка как кость из Бурлы-кала, где перечислены имена нескольких лиц, в том числе с таким ярким именем как "меч дахов" (публикация Манылов, Ходжаниязов, 1980, с. 38, рис. 3, 2, чтение - Лившиц, Мамбетуллаев, 1986, с. 38).

Таким образом, оригинальность самоутверждающегося Хорезма ярко проявляется в области культуры по материалам памятников, открываемых усилиями археологов. Следующим этапом было утверждение новых атрибутов независимости и самостоятельности на этот раз политической.

Этот период, приходящийся на I-IV вв. н.э. именуется исследователями Хорезма кушанским, что как указание на определенную эпоху вполне приемлемо, хотя вхождение Хорезма в состав кушанской державы, как это предполагала школа С.П.Толстова, маловероятно (Массон, 1965). Хорезм этого времени представлял собой процветающую страну. Многочисленные усадьбы, крепости, городки и города разной величины теснились по берегам каналов, объединенных в сложные ирригационные

системы. Правда, здесь не было городских суперцентров наподобие Бактр или древнего Мерва, но сам уровень урбанизированной культуры, охватывающей как городские центры, так сельскую округу все больше подкреплялись зримыми символами независимой государственности, которую обрела молодая цивилизация.

Таким важным шагом стало установление собственной хорезмийской эры летоисчисления. О наличии в Хорезме собственной эры или даже нескольких систем летоисчисления знал и великий хорезмидец Бериун. Археологические изыскания открыли тому документальные подтверждения. При раскопках топраккалинского дворца были найдены документы, датированные от 188 по 252 годы некоей эры. С.П.Толстов, увлеченный идеей "кушанизации" Хорезма, хотел видеть здесь кушанскую эру Канишки, для которой он предпочитал как исходную дату 78 г. н.э. (Толстов, 1961). Затем последовало открытие надписей с датами по местной, хорезмийской эре на оссуариях раннесредневекового некрополя и археологический контекст, где имелись и арабские монеты, позволили уверенно отнести начало этой эры, учрежденной правителями Хорезма к первой половине I в. н.э. (Гудкова, Лившиц, 1967). Того же мнения придерживался и автор этих строк (Массон, 1966, с. 144).

Постепенно хорезмийские правители утвердили символику своей легитимности и в монетном деле. Как и согдийская и юечжийская нумизматика монетное дело Хорезма выросло из греко-бактрийских традиций, следование которым видимо, составляло одну из сторон претензий на определенную легитимность. В 1953 г. была издана хранящаяся в Эрмитаже монета, подражающая чекану Евкратиды с изображением на оборотной стороне скачущих Диоскуров и оригинальной тамгой, отличной от тамг, помещавшихся на кушанских монетах (Массон, 1953). Затем Б.И.Вайнберг обнаружила в собрании Самаркандского музея монету, продолжающую эту традицию. Здесь на оборотной стороне воспроизведены скачущие Диоскуры в сопровождении тамги, близкого типа, тогда как на лицевой стороне был помещен портрет местного правителя в тяжелой парадной короне (Вайнберг, 1962). Поскольку тип тамг затем получил генетическое продолжение в монетах древнего Хорезма, можно было заключить, что перед нами первый царь Хорезма, поместивший на монетах свое изображение, вместо искаженного портрета Евтидема. Второй царь уже произвел замену и оборотной стороны, поместив там свое изображение в виде всадника едущего на коне. По аналогии с

монетами Герая, где также имеется фигура конного государя эту монету можно отнести ко времени после начала нашей эры (Вайнберг, 1977). Наконец, третий царь сделал еще один шаг по пути утверждения самостоятельного монетного типа: наряду с искаженной почти до неузнаваемости греческой легендой была помещена хорезмийская надпись достаточно отчетливо читаемая "царь Артав". С небольшими изменениями этот монетный тип с портретом государя на лицевой стороне и конной фигурой, сопровождаемой специфической тамгой на оборотной сохраняется в Хорезме вплоть до VIII века. В этом отношении Хорезм, в отличие от монетного дела как бухарского так и самаркандского Согда, строго блюдет древние традиции.

Весьма важным является вопрос о датировке топраккалинского дворца. Сама Топрак-кала это типичный "царский город", возведенный по четкому плану при централизованном контроле, что и характерно для цивилизаций поздней древности в Средней Азии. Завершающие этапы жизни самого дворца, собственно говоря уже этап его запустения и разрушения определенно относятся к концу III - началу IV в. н.э. Но само сооружение монументального дворцового комплекса было бесспорно делом не только трудоёмким, но и длительным. Первоначально, была сооружена платформа четырнадцатиметровой высоты, имевшая размеры 80x80 м декорированная по наружной стороне пилястрами.

Затем к этой платформе были пристроены три огромные башни частично замуровавшие более ранние пилястры. Сами помещения дворца располагавшиеся на этом основании перестраивались по крайней мере трижды.

Первоначально сам С.П.Толстов был склонен датировать топраккалинский дворец именно концом III-началом IV веков, когда по его разработкам Хорезм обрел независимость от кушанской державы. В дальнейшем, по мере выявления сложной истории функционирования монументального комплекса эта датировка все более растягивалась. Ю.А. Рапопорт относил возведение трех башен ко второй половине II-III векам нашей эры (Рапопорт, 1981, с. 128). Б.И.Вайнберг считала возможным говорить о постройке всего комплекса во второй половине II в. н.э. (Топрак-кала, 1981, с. 128). Нижние слои на самом городище скорее всего относятся уже к I в. н.э. Постройка такого сложного и неоднократно переделываемого комплекса и обеспечение его должным и весьма разнообразным и добрым, разностильным декором, видимо, занимали не

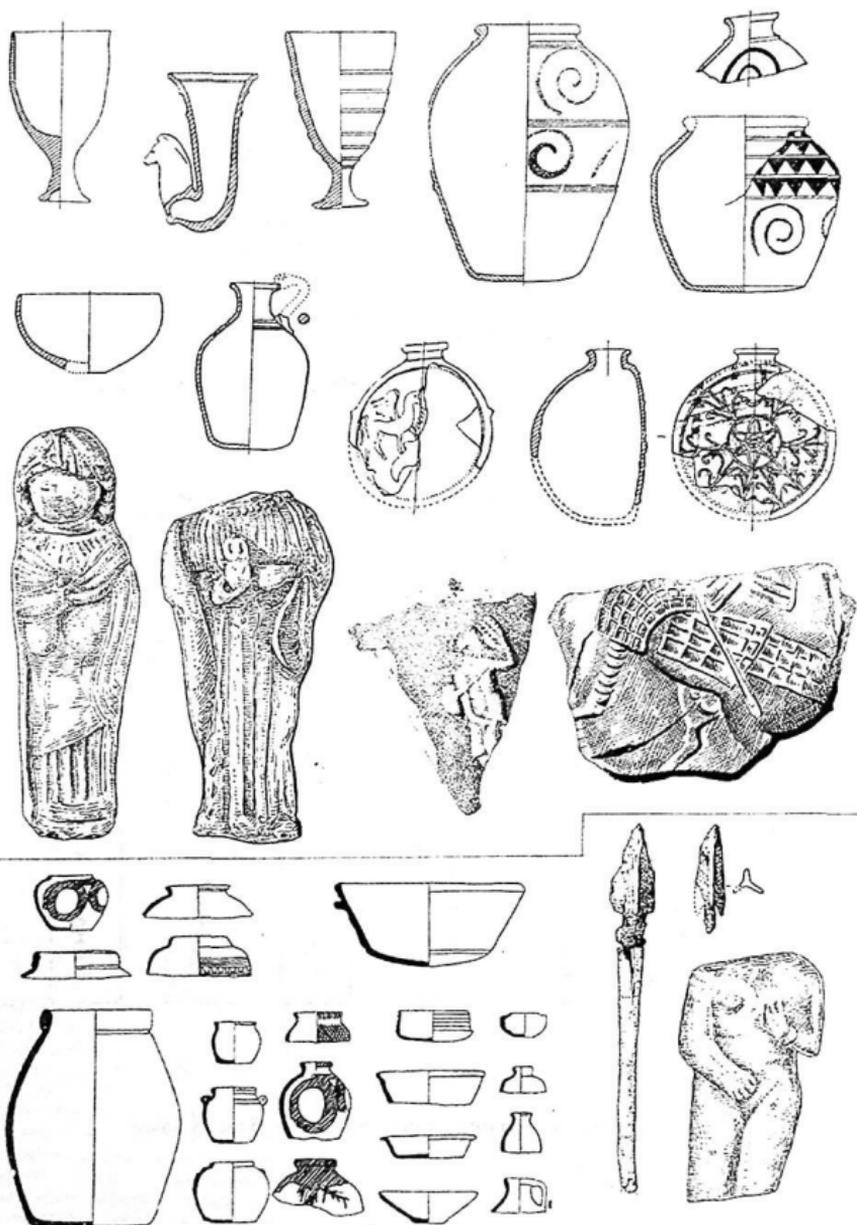

Рис. 2. Археологические комплексы древнего Хорезма. Вверху - кангийского периода (III-I вв. до н.э.), внизу - кушанского периода (I-IV вв. н.э.).

одно десятилетие. Вполне вероятно, что первоначальная квадратная платформа, как и сам город была воздвигнута уже в первом веке нашей эры. И не исключено, что это произошло под эгидой того же правителя, который вел собственную хорезмийскую эру и начал выпуск монеты с легендой на родном языке.

Такими вырисовываются судьбы древнехорезмийской цивилизации, которая прошла стадию становления в середине I тыс. до н.э., затем уверенно продвинулась по пути сначала культурной, а затем и политической самобытности.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Андрианов Б.А. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
2. Вайнберг Б.Н. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории дохушанской хорезмийской чеканки // ВДИ, 1962. № 1.
3. Вайнберг Б.Н. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
4. Вайнберг Б.Н. Памятники кангпойской культуры. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. т. XI, М., 1979.
5. Воробьева М.Г. Изображение льва на ручках сосуда из Хорезма. Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXX, IX, М., 1958.
6. Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. т. IV, М., 1959.
7. Воробьева М.Г. Дивтильджи. М., 1973.
8. Гудкова А.В., Лившиц В.А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблемы хорезмийской эры. Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР. № 1, 1967.
9. Зданович Г.Б. Аркаим: на Урале как несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: исследование, поиски, открытия. Челябинск, 1995.
10. Итина М.А. Могильник Кокча 3: новые раскопки // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XV. М.
11. Кой-Крыган-кала. Памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в. н.э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. т.V. М., 1986.
12. Массон В.М. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа. ВДИ. № 2, 1953.
13. Мамбетуллаев М. Хум с городища Большая Айбутир-кала с древнейшей надписью Средней Азии // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, № 2, 1979.
14. Массон В.М. Хорезм и кушаны. Эпиграфика Востока, XVII. А., 1965.
15. Массон В.М. Страна тысячи городов. М., 1966.
16. Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
17. Рапопорт Ю.А. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
18. Сариянди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
19. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
20. Толстов С.П. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблемы "Эры Шака" и "Эры Канишки". Проблемы востоковедения. № 1, М., 1961.
21. Delton O.M. The txasun of Oxus, London, 1905.